

комиссии в 1737–1739 гг. Этим и занималась следственная комиссия в 1739–1743 гг. В результате в материалах следствия отложился огромный комплекс документов Кабинета, Сената, Сибирской и Казанской губерний, Оренбургской комиссии и Уральского горного начальства. Только переписка В.Н.Татищева с Кабинетом за 1739–1738 гг. насчитывает более 200 указов и доношений, сохранилась выписка из «дневальной книги, происходившей в бытность Татищева в оренбургском походе», приходно-расходные книги Оренбургской комиссии и т.д.

Таким образом, комплекс документов следственной комиссии 1739–1743 гг. сохранился достаточно полно и является ценнейшим источником для изучения государственной деятельности и жизни В.Н.Татищева, истории русской колонизации Оренбургского края и других вопросов. В 1901 г. Ю.С.Татищев писал о необходимости издания документов следствия «в возможно скором времени». Хотелось бы только присоединиться к этому пожеланию.

Кузнецов А.Ф. (УГЛТА)

«ЛЕСНОЕ» НАСЛЕДСТВО В.Н.ТАТИЩЕВА НА УРАЛЕ И ЕГО НАСЛЕДНИКИ

Характерной особенностью ведущих отраслей уральской промышленности является их теснейшая, глубокая органическая связь с лесом. В XV–XIX вв. древесный уголь являлся единственным «хлебом» и «горючим фундаментом» под соляным и железным делом Урала. Велика роль леса в становлении уральской горнозаводской цивилизации, снискавшей в последние годы всеобщее международное признание.

Древесноугольная металлургия Урала (300-летний юбилей которой не за горами) явила миру непревзойденный по количеству и качеству металл. Уральское железо содействовало промышленному перевороту в Англии. Лесной Урал обеспечивал высокосортным металлом все отрасли народного хозяйства страны, являлся «броневым щитом», одной из основных баз в деле создания боеспособных армии и флота.

Горнозаводское производство края оказало большое влияние на размеры эксплуатации лесов, на состояние и ведение лесного хозяйства, отразилось на укладе жизни и психологии уральцев. Растущая потребность горнорудной промышленности в древесном угле послужила толчком к развитию лесоводства («дитя нужды в лесе»). «Железное дело — школа лесоводства», — писал Д.И.Менделеев.

Урал — один из старейших очагов становления и развития лесокультурного дела в России, родина самобытного практического ле-

соводства. У истоков его зарождения стояли Петр I, В.Н.Татищев, В.де Геннин. Предпринимаемые ими меры по упорядочению лесного хозяйства для нужд горного дела носили не только запретительный характер. «Лесное» наследие В.Н.Татищева, связанное с Уралом, достаточно обширно и многогранно. В составленных им внутренних инструкциях, наказах, разных доношениях и предписаниях охватывается большой круг вопросов — от проблем образования общего значения леса для государства, первых попыток межевания, составления планов («ландкорн»), описания заводских лесов, системы мер по их охране, «бережению» и разумной эксплуатации (с подробным расписыванием порядка использования леса на строительные и топливные нужды без нанесения ущерба естественному лесовозобновлению) до рекомендаций по искусственному восстановлению лесов на пашнях вблизи заводов, экономии древесины и др.

Преобразовательная деятельность первого начальника «Канцелярии главного правления сибирскими горными заводами» В.Н.Татищева оставила по себе добрую память на лесном Урале. На наш взгляд, она предопределила, хотя и медленное, но верное направление развития горно-лесного хозяйства края.

Кризис уральской металлургии в начале XIX в., сопровождавшийся бессистемной заготовкой дров и угля, усиленной вырубкой близлежащих к заводам древостоев, подталкивал правительство, горно-лесную администрацию к наведению порядка в горнозаводских лесах («по правилам лесной науки и доброго хозяйства»). На Урале раньше, чем в других районах страны, начали задумываться над решением этой проблемы. Именно с этого времени предпринимаются первые попытки научного обоснования лесопользования, организации более точного учета лесов, первые опыты искусственного лесовосстановления на вырубках и лесоразведения.

Заметные сдвиги в практике лесного дела наметились в 30-е гг. XIX в. и непоследовательно, противоречиво продолжались вплоть до первой мировой войны. Это направление развития связывается с именами министра финансов графа Е.Ф.Канкрина, заложившего своей «уральской» инструкцией (1830) г. основы научного горно-лесного хозяйства, Главного начальника горных заводов Уральского хребта генерала В.А.Глинки (в бытность его в 1838 г. была «высочайше утверждена» и с 1.01.1839 г. введена в действие должность Главного лесничего уральских заводов, за 80 лет — 7 самобытных, с развитым чувством достоинства лесоводов: И.И.Шульц, Н.Г.Мальгин, В.Н.Мылов, В.А.Вольский, А.П.Пятницкий, Г.М.Боголепов, И.П.Сазонов), великого ученого и знатока проблем горно-лесного хозяйства Урала Д.И.Менделеева, передовых ученых-лесоводов

А.Е. и Ф.А.Теплоуховых, К.Б.Бекмана, Н.Н.Глушкова, А.В.Зануцци и др.

Вплоть до Октябрьской революции развитие горнозаводской промышленности и костяка ее — металлургии — продолжало носить сложный, неоднозначный характер. Невозможность сохранения древесноугольной плавки даже в существующем объеме, без коренной реорганизации горно-лесного хозяйства, перевода домен на минеральное топливо, отмена привилегий горного ведомства в лесопользовании, была очевидна всем.

Нельзя сказать, что лесоводы края не боролись против изъядов лесозэксплуатации, не возмущались недооценкой заводчиками необходимости проведения лесокультурных работ. Лучшие представители корпуса лесничих на Урале, отличавшиеся стойкостью и широтой взглядов, пытались вести «правильное» лесохозяйство в горнозаводских дачах. Но они «погоды не делали».

Практика жизни, застарелые пороки горно-лесного хозяйства очень часто заставляли горнозаводчиков, особенно посессионеров, бессознательно или вынужденно отступать от лесохозяйственных правил, игнорировать рекомендации лесной науки. Причину этой известной их косности не следует искать только в экономической незаинтересованности в экономии древесины. Необходимо учитывать и другие обстоятельства. Прежде всего, — транспортные возможности той эпохи, позволявшие пользоваться лесными ресурсами относительно небольшой территории региона (горнозаводские дачи составляли треть общего лесного фонда края). Рубилось то, что располагалось поближе, что взять было попроще и «подешевле».

Нельзя забывать, что более быстрое, нерасчетливое расширение лесозаготовок в советский период, сопровождавшееся безудержной рубкой лесов, оставило потомкам гораздо больше обезлесенных площадей, чем мы получили от предшественников. Нанести стране, региону больший экологический и нравственно-эстетический ущерб, чем нанесен «социалистическими» методами хозяйствования, едва ли возможно. Давно уже надо защищать лес от непомерных и бессмысленно заявляемых на него требований. Пришла пора отдавать долги уральскому лесу за его беспорочную многовековую службу Отечеству, за его природоохранные общепланетарные функции.

Леса Урала — часть нашего самосознания. Чем богаче будут они и их история, тем богаче будем мы, и экономически, и духовно. Отложившийся в архивах весьма поучительный, богатейший опыт хозяйствования в лесах Урала, запечатленный в трудах В.Н.Татищева и целой когорты прогрессивно мыслящих лесоводов края нуждается в более глубоком, тщательном изучении.